

**РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ XIX–НАЧАЛА XX вв.:
ОППОЗИЦИЯ «ИДЕАЛИСТОВ»**

Под русским консерватизмом мы понимаем идейно-политическое течение традиционалистов, возникшее в России в начале XIX века и просуществовавшее до Февральской революции 1917 года. В персональном плане оно представляло собой плеяду мыслителей монархической направленности (Н. М. Карамзин, И.С. и К.С. Аксаковы, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, В.А. Грингмут, С.Ф. Шарапов и т.д.). Устойчивость традиции неразрывно связывалась консерваторами с защитой национально-государственных интересов России, вплоть до стирания какой-либо грани между ними. В течение XIX – начала XX веков это течение отстаивало свои постулаты посредством ряда печатных изданий («Московские ведомости», «Русский вестник», «Новое время») и организационных структур (Русская монархическая партия, Союз русского народа, Постоянный совет объединенных дворянских обществ).

Давно уже устоялось мнение, согласно которому русские консерваторы были чем-то вроде ответвления правящей бюрократии, ставящего своей целью законсервировать именно наличный социальный порядок. Между тем, факты неопровержимо свидетельствуют в пользу того, что они защищали не столько современный им строй, сколько некий идеал, которому, по их мысли, еще только предстоит воплотиться в реальности. Они мыслили не прошлым, и даже не настоящим, но будущим. Это будущее они, конечно же, представляли совершенно иначе, чем их оппоненты из либерального и социалистического лагерей. Более того, они не испытывали чувства исторического оптимизма, считая, что русское будущее может быть как прекрасным, так и ужасным.

Уже с самого начала своего существования русский консерватизм выступал как сила оппозиционная. Фактический его основатель Н.М. Карамзин в своих программных сочинениях – «Записка о старой и новой России» и «Мнение русского гражданина» – обрушился на курс правительства.

О том, насколько оппозиционны были славянофилы, думается, и говорить не приходится. Причем, их оппозиционность имела уже проекцию в прошлое. Здесь имеется в виду развенчание Петра I, чей культ царил в империи. Весьма радикальным, в условиях николаевского времени, было требование бессловной монархии и неограниченной свободы слова, а также положение, согласно которому источником власти должна выступать «воля народа». Некоторые славянофилы даже заняли откровенно пораженческую позицию в ходе Крымской войны. Славянофил А.И. Кошелев в своих воспоминаниях писал: «Высадка союзников в Крыму в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что даже поражение России сноснее для неё и полезнее того положения, в котором она находилась последнее время».

М. Н. Катков, считавшийся одним из столпов верноподданного охранительства, в 1863 году подверг правящую элиту уничтожающей критике за вялость и нерешительность в решении «польского вопроса». Он не остановился перед прямыми нападками на князя Константина Николаевича, по сути, обвинив его в измене.

В марте 1881 года, даже после убийства народовольцами царя Александра II, консерваторы, возглавляемые К.П. Победоносцевым, находились в меньшинстве. Они противостояли таким влиятельным государственным деятелям, как Д.А. Милютин, П.А. Валуев, А.А. Абаза, вел. кн. Константин Николаевич. И у них не было бы никаких шансов, не поддержи их новый император Александр III, испытывавший до этого серьезное влияние идей Победоносцева. Кстати, указанное влияние оказывалось на него в условиях, когда Александр II не благоволил ни к наследнику престола, ни к обер-прокурору Синода. Опять-таки, налицо оппозиционность.

По иронии судьбы курс на контрреформы, взятый Александром III, фактически сразу наткнулся на консервативную же оппозицию в лице графа П.Н. Игнатова, отстаивавшего славянофильскую идею созыва Земского собора. Было некоторое недовольство, правда, довольно слабое, и со стороны жестких «реакционеров». Так, Константин Леонтьев (которого справедливо принято относить к консерваторам, хотя он с его эстетизмом и неповторимым уровнем восприятия и занимает совершенно обособленное место в русской мысли), поначалу восторженно приветствовавший новый курс, по истечении определенного времени воскликнул: «И только то?». Консерваторам хотелось более действенных, можно даже сказать, революционных мер по преобразованию российской действительности в соответствии с их идеалами.

Уже в правление царя Николая II консерваторы решительно обрушились на российскую бюрократию. По их мнению, она сдерживала органическое развитие прежних патриархальных отношений. При этом монархисты не скупались на резкие, эмоциональные оценки. Например, руководители Митрофано-Георгиевского Союза русского народа (Воронеж) поднимались до вершин патетики, описывая столичную бюрократию: «Люди в футлярах – сказать мало. Люди-стены – это будет вернее, каменные мешки. Вот в чем наше горе... жизнь как всегда полна запросов, исканий, страданий, требует сочувственных откликов, а заправила ее – люди-стены, каменные, высокие, прочные, массивные и... мертвые к запросам жизни»¹.

Многие деятели Союза русского народа столь преуспели в нападках на бюрократию, что это вызвало беспокойство правой газеты «Колокол», которая сама настороженно относилась к чиновникам. По ее мнению, чересчур ретивые критики бюрократизма из монархического лагеря заняли неконструктивную позицию, находя лишь темные стороны в деятельности чиновничества².

Проявляя недовольство бюрократическим нажимом, идеологи русского монархизма все чаще говорили о необходимости политических свобод, требование которых всегда было прерогативой западнического лагеря. Неославянофил А. Васильев утверждал, что «самодержавие Государя не только может и должно ужиться с церковной и гражданской свободой народа, с самым широким и полным его самоуправлением, но без такой свободы и самоуправления... истинное самодержавие невозможно»³.

А правый публицист В. Строганов заявлял: «...Истинный национализм мыслим только при наличии гражданской свободы... Народ приниженный, забитый, лишенный гражданских прав, не может проявить в должной мере национальное самосознание, ибо откуда ему взяться, если личное самосознание почти отсутствует!»⁴.

Впрочем, на русский консерватизм весьма сильное влияние оказывала и церковная трактовка свободы, полностью отличная от либеральной. «Настоящая русская истинная свобода-правда есть себя соблюдение и сознательное повиновение закону державному, крепкая верность нерушимой присяге, – писал консервативный идеолог М.Ф. Таубе (М. Вашутин). – Словом – свобода есть повиновение добру, правде и христианской истине Православной. Произвол же и рабство происходят от разжигания страстей, от немощей тела, от расслабления и болезней душевных. Истинная свобода – в духе!»⁵.

Но вопрос о свободе, конечно же, не занимал особого места в той критической кампании, которую русские консерваторы направили против бюрократизма. Они порицали чиновничий аппарат за создание «средостения» между Царем и народом («землей»), присвоение многих функций самодержца. Причем понятия «народ», «земля» служили для консерваторов неким аналогом понятию «гражданское общество». С

¹ Очерк деятельности Митрофано-Георгиевского Воронежского Союза русского народа за 7-й год его жизни. Воронеж, 1914. С. 24.

² Колокол. 3 октября 1909 г.

³ Васильев А. Русское мирозерцание. СПб., 1904. Вып. 3. С. 13.

⁴ Строганов В. Русский национализм. М., 1997. С. 28, 26.

⁵ Таубе М. Ф. (Вашутин М.). К возрождению славяно-русского самосознания. СПб., 1912. С. 7.

помощью данных дефиниций они хотели охарактеризовать ту часть населения, которая находилась вне бюрократического аппарата. Само же слово «общество», в указанном выше значении, использовалось ими неохотно – оно слишком напоминало терминологию либеральной оппозиции.

Консерваторы утверждали, что бюрократы, начиная с XVIII века, когда их мощь чрезвычайно возросла, постоянно ослабляли воздействие царской власти на общество, искажали волю монарха. В результате вся страна подошла к состоянию деградации, чреватому национальной катастрофой. Разумеется, сам Царь всячески противопоставлялся бюрократии, отделялся от нее.

Данная концепция наиболее тщательно разработана в книге крупнейшего теоретика отечественного консерватизма Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность». Он отличал «верховную власть» (общий принцип правления) от властей «управительных» (законодательных, исполнительных и судебных), являющихся передаточными механизмами. Управительные власти могут быть либо «служилыми», либо «представительными». Первые и составляют бюрократический аппарат, чиновничество, тогда как вторые делегируются обществом. Субъект же верховной власти (монарх, аристократия или народ) «специализируется... на контроле и направлении всех передаточных властей, всего правительственного механизма, с сохранением при этом своей неограниченности и универсальности...»⁶.

Однако, если контроль и направление не осуществляются в достаточной мере, то «учреждения передаточной власти могут вполне исказить все намерения и волю верховной власти», причем данное искажение может окончиться полной узурпацией. В либеральном государстве воля народа (главного субъекта демократической верховной власти), узурпируется посредством полного сосредоточения ее в руках узкого круга «политиканов», а в монархическом государстве верховная власть самодержца иногда передается (частично) бюрократии. Последнее возможно, если сама монархия идет по пути чрезмерной централизации, то есть тратит слишком много усилий на осуществление контроля и направления. В результате она приходит в ослабленное состояние, чем и пользуются бюрократы, резко усилившие свое значение в ходе централизации, нуждающейся в укреплении именно передаточного звена. Подобное, по мнению Тихомирова, и произошло в России, где верховная власть существенно ослабила свои позиции⁷.

Русские консерваторы были уверены, что именно ослабление власти самодержца привело к развертыванию «западнических» реформ в стране. Чуждые влияния, направленные против самобытности, связывались ими с мощью и активностью тех бюрократов, которые воспользовались наличием «средостения» для навязывания стране и обществу либеральных («конституционалистских») пристрастий.

В 1906 году консервативный публицист И. Кашкаров печально констатировал: «Ныне... многие наши сановники, стремящиеся с помощью смуты насильно даровать русскому народу конституцию, продолжают дерзко вести традиционно либеральную, бюрократическую политику и хотят вовсе упразднить самодержавие для того, чтобы захватить... его власть...». Он возлагал на «западническое» крыло высшей бюрократии ответственность за попытку ввести «конституцию» при Анне Иоанновне, за смерть Павла I и Александра II (последний, согласно Кашкарову, пал жертвой попустительства реформаторов, не препятствовавших росту оппозиционных настроений)⁸.

А в 1913 году публицисты из журнала «Прямой путь» (орган Русского народного союза Михаила Архангела) приписывали правительству желание «примирить две системы» – «правлящую» интеллигенцию и интеллигенцию партикулярную (в

⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 56, 58, 60-63.

⁷ Там же. С. 64, 67, 369-370.

⁸ Кашкаров И. Как сановники подрывают самодержавную власть. Харьков, 1906. С. 43.

большинстве своем либеральную и социалистическую), лишь по случайности не договорившиеся между собой в 1905-1907 году»⁹.

Известный же монархический публицист и деятель Союза русского народа П.Ф. Булацель вообще сомневался в законности царского правительства, проводящего политику реформ¹⁰.

Консерваторы отмечали и наличие потворства по отношению к оппозиции со стороны бюрократов. Весьма любопытное наблюдение в данном плане сделал Тихомиров. Он считал, что бюрократическая узурпация создает условия для усиления оппозиционной части общества: «Бюрократия, – утверждал он, – по мере увеличения своего всевластия сама понижается»¹¹. Согласно Тихомирову, специфика функционирования бюрократического аппарата заключается в «дисциплине, исполнении приказаний и знании формы», что «вполне совместимо с очень ограниченными умственными способностями и даже лучше достигается у человека мало энергичного и не самостоятельного по природе»¹². Поэтому подавляющее большинство чиновников стремится к постепенному продвижению по службе, всячески сдерживая крупномасштабные инициативы, способные поколебать их уютный мир. Сам по себе такой подход не представляет какой-либо угрозы и, будучи ограничен определенными рамками, выступает в качестве необходимого консервативно-дисциплинирующего начала. Однако, замыкаясь в себе, усугубляя собственную кастовую замкнутость и наращивая аппаратную мощь, бюрократия создает «монополию власти», основанную на «системе недопущения» до власти людей способных, которые могли бы низвергнуть монополиста, уже захватившего власть. Еще больше бюрократы боятся продвижения вверх «людей честных, которые не пойдут на компромиссы, на запродажу себя»¹³.

Все это ведет к тому, что деятельность бюрократического аппарата становится неэффективной, а талантливые и убежденные люди, оказываясь не в состоянии проявить себя на государственной службе, уходят в «разные отрасли частной службы». Тогда «общество становится способнее правящих сфер», а такое состояние весьма опасно во время революционных потрясений, преодоление которых требует от правительства наличия энергичных инициативных чиновников, способных противостоять пассионарному напору оппозиционных слоев общественности.

Русские консерваторы выдвигали разные проекты устранения бюрократического «средостения». Многие из этих проектов были связаны с идеей создания института народного представительства, основанного не на партийном противоборстве и ограничении самодержавия, а на выражении исключительно «мнений». Оно, по мысли консерваторов, было бы призвано предоставить в распоряжение монарха дополнительные информационные ресурсы, не зависящие от активности чиновничьего аппарата.

Наиболее «системно» к проблеме представительства подошел Тихомиров. Он думал, прежде всего, о создании новой формы организации социальных групп, которая должна была обеспечить адекватное выражение их интересов. Тихомиров выступал за принудительную организацию разнообразных групп общества (сословных, профессиональных, территориальных и т.д.), превращение их в эффективные корпоративные структуры, обладающие наибольшими возможностями для реализации собственных устремлений. Такую модель структурирования он противопоставил объединениям по партийному и профсоюзному признаку, предоставляющему организацию лишь незначительному меньшинству в различных социальных группах, которое, по его мнению, обязательно стремится к узурпации воли целого, большинства.

⁹ Прямой путь. Сентябрь 1913 года. С. 181-182.

¹⁰ Носков Н.Д. Охранительные и реакционные партии в России. СПб., 1906. С. 43.

¹¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 94-95.

¹² Там же, с. 496-497.

¹³ Там же, с. 99.

Представительства от каждой из подобных корпораций и должны были, по мысли Тихомирова, составить общенациональное народное представительство. Он считал, что прямые представители конкретной социальной общности сумеют лучше осознать ее реальные интересы, предоставив собственное видение своих же проблем, основанное на личном опыте, а не на домыслах посторонних. Организация, помимо того, позволит группе выявить ее творческую часть, а также создать систему контроля над представителями, которых она смогла бы отзывать в случае измены. «Такая система представительства, – отмечал Тихомиров, – поддерживающая прямую связь верховной власти с живым народом, с его социальными слоями и группами, есть единственное средство для охранения свободы верховной власти и нации от узурпации служилых сил... Эта система вливает в работу государства все творчество нации...»¹⁴.

В то же время лидер Русской монархической партии В.А. Грингмут отстаивал идею создания института сословных делегаций, которые имели бы возможность регулярного и непосредственного общения с Царем. И хотя он предлагал придать этому общению институциональный характер, его проект явно свидетельствует о нежелании части монархистов предоставить народным представителям сильную организацию. Он настаивал: «советные» люди должны затрагивать как можно меньше важнейших вопросов. Такую практику Грингмут считал вполне соответствовавшей русскому национальному характеру: «Русский простой человек... скорее склонен к умалению, а не возвеличиванию своей осведомленности в различных, даже близких ему вопросах...» Примечательно, что он призывал всех монархистов (в том числе и представителей социальных низов) активно слать телеграммы на имя Царя и просить в них о принятии ряда общегосударственных решений охранительного характера. Сам руководитель РМП признавал противоречивость собственных высказываний (ведь, согласно ему, общество могло быть компетентно лишь в узкогрупповых вопросах), но объяснял ее невозможностью (в данное время) наладить прямое общение народа и Царя иным образом¹⁵.

Стоит отметить, что консерваторы не ограничивались вопросами создания народного представительства. В их среде возникали и другие проекты ликвидации бюрократизма. Тот же самый Грингмут решительно высказывался в пользу радикальной децентрализации местного управления. Он призывал отказаться от обязательности губернского деления, предоставив уездам право самостоятельного выбора: либо существовать отдельно от соседей, либо добровольно объединиться с ними на постоянной или временной основе. Во главе уездов должен стоять администратор с довольно сильными полномочиями (Грингмут советовал назначать его, преимущественно, из числа уездных предводителей дворянства), который бы опирался на совещательный орган, состоящий из представителей духовенства, дворянства и крестьянства, и обладающий теми же полномочиями, что и земство, только отличающийся от него строгой подконтрольностью администрации. Земства Грингмут предлагал ликвидировать, дав, однако, территориям всю полноту экономического самоуправления¹⁶.

Оппозиционность консервативного лагеря проявилась и во время проведения столыпинской аграрной реформы. Многие правые (Д.И. Хотяинцев, С. Ф. Шарапов, А. Г. Щербатов, Дубровинский Союз русского народа и т. д.) выступили против нее. Но даже и те консерваторы, что поддержали реформу (Постоянный совет объединенных дворянских обществ, обновленческий Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и т.д.), подвергали жесточайшей критике саму практику проведения преобразований. Их не устраивало обезземеливание российского крестьянства, которое привело к оттоку рабочей силы из помещичьих хозяйств. Крестьяне, не вписавшиеся в «хуторскую реформу»,

¹⁴ Там же. С. 545-547.

¹⁵ Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. С. 338-340.

¹⁶ Там же. С. 220, 222.

продавали наделы и устремлялись в города, пополняя там ряды недовольных, настроем которых умело пользовались агитаторы левых партий.

Столыпинский перелом явно противоречил самой природе дворянского «консерватизма». Потому-то Объединенное дворянство, из съезда в съезд, наращивало критику правительства, а земские начальники на местах (обычно придерживающиеся правых воззрений) скрыто, но успешно саботировали деятельность землеустроительных комиссий.

На пятом съезде уполномоченных дворянских обществ (1910 год) столыпинским реформаторам было заявлено: «Правительственные мероприятия в области земельного вопроса, поскольку они касаются увеличения площади крестьянского землевладения, посредством скупки и раздробления частновладельческих земель... грозят разорением государства и выселением всего культурного слоя из сельских местностей. Закон 9 ноября 1906 года без применения решительных мер к расширению области применения народного труда, сулит образование безработного пролетариата»¹⁷.

Консерваторы подчеркивали, что сельское хозяйство, в отличие от промышленности, тесно связанной с внешним рынком и подверженной его колебаниям, весьма устойчиво и способно давать занятость большому количеству работников. Исходя из интересов аграрной сферы, многие идеологи отечественного консерватизма предлагали сосредоточить внимание на развитии сельскохозяйственной промышленности. Монархист Авилов, к примеру, выдвигал проект целенаправленной модернизации помещичьих хозяйств, которым, по его мнению, следовало перенести центр тяжести из зернового производства в переработку земледельческого сырья¹⁸.

«Правому» крылу консерваторов не нравился либеральный дух правительственных преобразований. «Центр» протестовал против излишнего либерализма. А «левые», напротив, были недовольны тем, что преобразования идут слишком медленно. В этом они фактически смыкались с либералами. В Государственной думе даже возникла фракция «прогрессивных националистов», поддерживавшая либеральную оппозицию, требовавшую «ответственного министерства». Показательно, что отречение Николай II от престола, приведшее к крушению многовекового здания российской монархии, принимал один из лидеров «прогрессивных националистов» – В.В. Шульгин. Впрочем, и не поддерживавший «национал-прогрессистов» В.М. Пуришкевич активно разоблачал «темные силы», якобы существовавшие в окружении последнего императора. Между прочим, Пуришкевич, которого считают крайним ретроградом (очевидно, за ксенофобские воззрения) был сторонником думской монархии и фермерских хозяйств. Правда, и здесь он оппонировал правительству, критикуя П.А. Столыпина.

Как заметно, для консерваторов почти всегда была присуща, более или менее четко выраженная, оппозиционность. Одних она уводила слишком далеко «вправо», других – «влево», кому-то позволяла придерживаться взвешенного курса. Но в любом случае консерваторов не устраивала социальная действительность. Точнее выразиться так – они видели в ней некие основания, которые следует сохранить, но которые существенно искажены конкретной исторической практикой. Задача консерватизма виделась ими в том, что снять все наслоения, нанесенные ветром истории на некий идеал, архетип государственного и общественного устройства.

Консерваторы были хранителями «чистых» идеалов, которые пока еще не реализованы в полной мере, которые остаются некоей потенцией. Их противостояние с правительственной бюрократией было противостоянием теоретиков с практиками. При этом никого не должно смущать, что порой и сами консерваторы выступали в роли практиков. Это было не так уж и часто, а влияние на ход государственного строительства оказывала не работа в руководящих структурах, но активная общественная деятельность.

¹⁷ Труды шестого съезда уполномоченных дворянских обществ 30 губерний. СПб., 1912. С. 5.

¹⁸ Гражданин, 4 апреля 1912 г.

Консерваторы понимали необходимость идеократии, основанной на осмыслении дальнейших путей развития страны. Бюрократы предпочитали действовать, оперируя с уже наличными факторами и не отвлекаясь на рефлекссию. Первые искали путей приближения к идеалам, вторые думали о совершенствовании действительности. Именно этот конфликт между словом (в высшем его значении – «логоса») и делом привел к тому, что русское традиционное общество так и не сумело успешно модернизировать себя.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о наличии двух (как минимум) значений слова «консерватизм».

Первое, широкое, предполагает сохранение наличной социальной действительности. Под это определение могут попасть представители самых разных мировоззренческих ориентаций. Действительно, намерение сохранить себя есть нечто вроде элементарного инстинкта, который присущ всем.

Второе значение более узко. Оно характеризует стремление сохранить некий изначальный идеал (архетип), который дает начало и обществу, и государству как таковому. Этот идеал – Традиция, существующая «испокон веку», возникшая вместе с возникновением истории, а то и предшествующая ей. Это – Богом данный порядок, приводящий земные реалии в соответствие с небесными. Как на небе существует Царь и Иерархия, так и на земле следует их воспроизводить – по мере возможности. Отсюда, между прочим, такое трепетное (именно трепетное, а не просто положительное – в прагматическом плане) отношение к монархии. Если для массы чиновничества монархия была просто привычным (и в силу этого незыблемым) порядком вещей, то для консерваторов она представляла собой небесный идеал, сообщенный грешной земле.

Противостояние прогрессизму (либеральному и социалистическому) воспринималось консерваторами как попытка сохранить изначальный порядок – небесный идеал, дарованный людям с тем, чтобы максимально нейтрализовать последствия грехопадения. В этой оптике либерал или социалист может быть консерватором в широком значении этого слова, но не может им быть в узком, «идеальном», «духовном», «традиционалистском» его понимании. Не может им быть и бюрократ-прагматик, пусть даже он и настроен как угодно «реакционно» и «монархически». Консерватор – традиционалист, хранящий метафизические, по сути, идеалы.

Между прочим, в истории русской мысли присутствовал и консервативный прагматизм монархического типа. Речь идет о теоретиках так называемой «официальной народности» (С.С. Уваров, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин). Указанные мыслители представляли собой вполне лояльное к эмпирической власти течение, констатирующее превосходное состояние современного им общественного строя. Ими признавалась необходимость некоторого реформаторства, но в этом признании не было той тревожности и того неудовлетворенного идеализма, которые были присущи консерваторам. Никакой серьезной идеологической работы они не проводили, а вершиной их творчества стало рождение лозунговой триады – «православие, самодержавие, народность». По сути, данное направление следует отделить от консерватизма, понимаемого как идеология русского традиционализма.